

«Реформы надо было начинать как минимум на год, а лучше на два раньше»

11 ноября, Интервью

Экономист Леонид Григорьев о том, как писались программы реформ 90-х, за что люди имеют право оценивать 90-е как социальную катастрофу и почему экономисты редко дают простые ответы

Леонид Григорьев — главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ, научный руководитель Департамента мировой экономики, ординарный профессор НИУ ВШЭ. В 2019 году выдвинут на соискание Премии Егора Гайдара «За выдающийся вклад в области экономики».

Вы много консультируете правительство, разрабатываете стратегии. При этом все эти стратегии редко когда воплощаются или воплощаются не в том виде, в котором они были задуманы. Почему вы продолжаете это делать? Может, надо бросить, раз бессмысленно?

Сначала отделим прошлое от настоящего. Аналитический центр сам по себе стратегий не пишет — у него более конкретные функции содействия работе аппарату правительства, зато их очень много. Если в целом за последние тридцать лет, то ответ «нет, не зря». Надо быть вместе со временем и с людьми на их стороне понимания проблем. И надо делать хорошую профессиональную работу, что я — надеюсь — и делал. Время меняется, задачи новые, жалобы не лечат — все равно надо работать. Другое дело, что из этого получается при имплементации политиками. Понимаете, в чем дело: разработка стратегий проводится двумя типами людей: знающими и бесстрашными. Их комбинация и определяет результат. Человек знающий — а я отношу себя к ним — делает то, что он считает полезным для страны, министерства, области знаний, региона или университета. При этом он заранее понимает, что, скорее всего, вряд ли будет реформа, стратегия, программа будет проведена именно так, как задумано, но надеется. Учтем также, что в начале транзитивного периода не было реальной практики, истории и теории трансформации. Пожалуй, до сих пор и нет теории трансформации институтов.

Стартовое разочарование у меня было: хорошо, что реформы наконец начались при Борисе Ельцине и Егоре Гайдаре, но плохо, что они начались позже, чем надо, как минимум на год. Политическая элита советского времени просто не справилась с задачей трансформации. А ведь первые сигналы были еще в 1987 году, когда вышел одиннадцатый номер журнала «ЭКО» под редакцией Аганбегяна с его статьей, в которой он написал, что экономика не растет и дела наши «неважные». Я был завсектором мировой конъюнктуры Института мировой экономики и международных отношений,

и он предложил мне написать, а что «у них». Я написал аккуратную статью, где сверху и снизу была дежурная заставка о том, как «углубляется кризис империализма», а внутри я рассказал, как «там» на самом деле — потребление растет, безработица снижается, идет технический прогресс, и кто к нему не присоединится, будет на обочине. До «500 дней» оставалось всего меньше трех лет, но психологически идея написать статью о том, как там все хорошо, когда рядом есть статья о том, как у нас все не так хорошо, была тревожной. Мой помощник по работе побоялся ставить свою подпись под статьей. Потом я выпустил две статьи о российской экономике в 1990-1991 годах, в это время Егор Гайдар публиковал свой анализ в «Коммунисте». Только он был инсайдер, так сказать, и, наверное, лучше понимал детали, а я писал про Советский Союз, как если бы писал просто про некую страну. Поэтому можно сказать, что тогда мы были знакомы с ним сначала заочно.

Возвращаясь к вашему вопросу, повторю, о чем я жалею в отношении тех программ, в которых участвовал. Эти реформы надо было начинать как минимум на год, а лучше на два раньше, до того, как случился кризис. Лучше было удержать трансформацию к рынку внутри СССР — без распада всех торговых контрактов с тяжелейшими последствиями. Но это должно было идти сверху, организованным порядком. Особенности отдельных реформ можно обсуждать бесконечно, но надо было объяснять людям, что происходит, а то они попали из чрезмерных ожиданий в социальную катастрофу. Осенью 1989 и летом 1990 годов надежд было больше, поэтому я практически без колебаний вошел в команду, которая готовила для Михаила Сергеевича Горбачева и Бориса Николаевича Ельцина «500 дней» — летом 1990 года они короткое время вместе были заказчиками.

Как это было? И что вы почувствовали, когда получили предложение поучаствовать в разработке программы «500 дней»?

В декабре 1989 года в ИМЭМО пришел Евгений Григорьевич Ясин, собрал человек пятнадцать и предложил присоединиться к работе над программой реформ. Из всех присутствовавших предложение в тот момент принял, кажется, только я. Первое, что я сделал, это попросил моих друзей и сотрудников в ИМЭМО АН собрать месячные данные статистики по Советскому Союзу. Они сделали сезонную очистку и показали, что пик промышленного производства в СССР пришелся на ноябрь 1989 года, а с декабря уже начал падать. Все последующие расчеты показали, что это была правильная оценка. С этим стартовым багажом я вошел в качестве консультанта в число людей, которые работали на комиссию Абалкина, Ясина и Явлинского с января 1990 года.

В марте-апреле была собрана первая команда на выезде. А летом я вернулся из какой-то командировки, и выяснилось, что уже издан указ, в котором

фигурировал список из двенадцати человек, в том числе и меня — это и были авторы «500 дней». В августе мы засели работать. Там все происходило параллельно: одна команда работала с премьер-министром к западу от Москвы, а другая команда, в том числе я, — с Ясиным, Шаталин и Явлинский — к югу. Евгений Григорьевич Ясин переписывал куски, интегрировал их в программу, и, как мне потом рассказали, их увозили два раза в неделю на дискетке и прятали где-то на всякий случай. Мы работали на даче в Архангельском. У меня был первый в стране лэп-топ (от ИМЭМО), а в коридоре стояли два автоматчика в штатском. Вот так мы работали месяц безвылазно. Один раз приезжал в гости премьер-министр Николай Иванович Рыжков, один раз нас возили в Москву к нему, и один раз мы докладывали Михаилу Сергеевичу на Старой площади. С этого, собственно, все пошло.

А вы чувствовали важность момента?

Конечно, абсолютно.

Давило это?

Нет, не давило. Для меня все было очень просто и естественно. Я считал, что надо трансформироваться — и все, хотя у меня не было четкой модели, кроме разве что готовности делать все это долго и мучительно. Но я никогда не пытался сделать никакой карьеры внутри этого процесса. То есть я занимал какие-то административные позиции, но ровно настолько, насколько это было минимально неизбежно, а потом возвращался к своим студентам и книгам.

Вы заканчивали экономический факультет МГУ. Пришлось ли вам так же, как и Гайдари с его единомышленниками, «изобретать» экономику заново?

Я не был тогда с ними знаком, у них в конце 1980-х была «Змеиная горка», но я понятия не имел об их существовании. Изобретали они не от хорошей жизни, потому что большая часть того, что им приходилось изобретать, была элементарными вещами при базовом понимании рыночной экономики. Если бы они пришли в ИМЭМО, мы бы им рассказали. Изначально проблема была в том, что большинство людей, которые этим занимались, не знали английского, не имели доступа к основной массе литературы и не жили на Западе. Я занимался почти исключительно мировой экономикой, стажировался полгода в США. Мы занимались западной экономикой и были вынуждены многое знать. Рыночную экономику один раз посмотришь — и все понятно, в общем логика максимизации своего дохода как стимул для поведения при отсутствии центральной координации — дело довольно естественное. Из этого, конечно, не следует легкости проблем трансформации от плана в рынок! Меня, кстати, в команде «500 дней» (и не

только там) часто использовали в определенной мере как справочник. До начала реформ у меня уже были статьи на английском: первая статья — про приватизацию, вместе с Сергеем Алексашенко, вышла в Стокгольме. После была статья «Скрытые права собственности», где я объяснял, что у наших директоров предприятий фактически есть скрытые права собственности (право на доход и право принимать инвестиционные решения) в условиях быстрого ослабления госплановской системы. Поэтому впереди у нас не приватизация, а фактически уже реприватизация, так как придется отбирать право на доход у директоров.

А когда вы только заканчивали МГУ, вы как-то рефлексировали над этим недостатком знания западной экономики?

Совершенно не рефлексировал, поскольку это было давно, но все мои работы как студента были про экономику США. Научный руководитель у меня был очень известный человек и крупный ученый по мировой экономике Станислав Михайлович Меньшиков. А диссертация моя (защищенная в 1972 году в МГУ) называлась: «Циклическое воспроизводство капитала (на примере США)». В ИНИОН и в ИМЭМО было достаточно классической и актуальной литературы и статистики. Видимо, я был необычайно везучий. Когда я был пятом курсе, в 1967-1968 году, мы создали экономико-математическую школу МГУ вместе с ребятами с отделения кибернетики — это было огромное изменение в характере мышления. И с этого момента у меня половина жизни — это наука, а половина — школьники, студенты, преподавание, что требует постоянной собственной учебы. После университета я попал к академику Револьду Михайловичу Энтову в ИМЭМО, где ко мне очень хорошо относились. Меня даже — неженатого — отправили на полгода в Штаты по обмену эконометриками. По-моему, тогда это был абсолютный мировой рекорд, на уровне Федора Конюхова в Антарктиде. А после поездки сделали зав. сектором мировой конъюнктуры — вот уже где образование приходит само. В Филадельфии в 1979 году я был у замечательного человека и великого ученого — Лоуренса Кляйна, который в 1980 году получил Нобелевскую премию за прогнозирование. И диплом у меня в 1968 году уже был с эконометрикой, которая пришла в вузы спустя десятилетия. Получалось, что во всем, что происходило, обычно у меня была вполне разумная профессиональная задача.

Сейчас, уже задним числом, считаете ли вы, что программа «500 дней» была все-таки лучше той, которая в итоге была реализована Гайдаром?

Понимаете, выбор вариантов был невелик. Евгений Григорьевич Ясин выпустил в середине 1990-х книжку «400 дней Гайдара» — показал, что фактические реформы были довольно похожие, хотя производились еще быстрее. Я думаю, что кто бы ни был реально реформатором, ему пришлось

бы принимать очень тяжелые решения во всех областях экономической и социальной жизни (помимо идеологии и распада страны).

Первое принципиальное различие состоит не в том, 500 это дней или не 500, а в том, что начало реформ пришлось на конец 1991 года, а не на 1990-й. К осени 1991 года экономика была уже практически в свободном падении (минус 16% ВВП за год). Из всего, что можно было придумать, Гайдару достался наихудший вариант: проводить реформы в таких условиях, да еще при распаде страны, когда пятнадцать центральных банков раздают рубли. Так что распад страны серьезно добавил к кризису — а Явлинский еще надеялся сохранить «рыночный Союз» — это второе различие.

Российский ВВП с 1989 до 1998 года упал на 44%, а в республиках дела обстояли еще хуже. Вся страна пошла вразнос. Восточная Европа и Прибалтика проскочили, Белоруссия на экспорте в Россию — тоже, хотя и тяжело, но с падением ВВП на 25%. Но у Грузии ВВП сократился на 75%, у Украины и Молдавии — на 65%. Возможно, Советский Союз и имел шанс проскочить трансформацию без распада, но лишь при снижении ВВП не более чем на 25%. Третье важное различие — приватизация была совершенно иной, но то, каким мог бы быть альтернативный вариант, заслуживает отдельного большого исследования.

Что можно было поправить? Только на год раньше начать?

Фактор времени сработал очень существенно. Понимаете, как показал опыт Восточной Европы, при сокращении дохода на 25% семьи выдерживают пять лет кризиса. А если спад составляет 44% на протяжении десяти лет, то уже полностью ломается горизонт планирования и внутрисемейная система. У меня недавно вышла статья в «Russian Journal of Economics» (это английский кузен «Вопросов экономики») под названием «Социология индивидуальных трагедий». Мы обсчитали убийства и самоубийства по 157 странам мира, включая параграф про постсоветские и социалистические страны, параграф про БРИКС и параграф про Россию с регионами. И там по постсоциалистическим странам наблюдается тяжелейшая картина: практически везде (22 страны) произошел резкий рост убийств и самоубийств в первой половине 90-х. Пик в России был в 1994 году — на 100 тысяч населения в России было 88 убитых и самоубийц. Это примерно один человек из 1100. Таким образом, вопрос о социальных последствиях — это вопрос о человеческих жизнях.

Беда в том, что следовало бы начинать раньше и до кризиса — но старому руководству (в том числе и Горбачеву) было трудно осмыслить и провести реформы сверху, в координации с республиками и, наверное, мягче. Есть новая книга Стефана Кларка «Французская революция: что пошло не так», хорошо иллюстрирующая роль Людовика XVI в революционном процессе.

Он же был сравнительно неплохой человек — охотился, чинил часы и хотел, чтобы всем было хорошо. Но как только он попытался учесть пожелания третьего сословия, ему голову отрубили. Политическая элита Советского Союза оказалась не готова к реакции на ситуацию в мире и в стране. Поэтому медлила и слишком долго не начинала серьезную трансформацию. Когда реформы уже должны были вот-вот начаться, я был в Вашингтона на короткой стажировке, и у меня появилась в «Нью-Йорк Таймс» (12 сентября 1991 года) статья о том, что реформаторы еще не решились сказать людям. Не только наши — никто не решался сказать: мгновенного достижения уровня жизни, как в развитых странах, не будет, и надо готовиться к тяжелым временам, умеренности и терпению.

Как вы относитесь к словосочетанию «лихие 90-е» и к тому, что сейчас этот период воспринимается как разгул бандитизма и развал?

Понимаете, не бывает одной правды. Конечно, это было время радикальных социальных, экономических экспериментов и политической трансформации. Многие стали бизнесменами, начали путешествовать по миру. Но судят сами люди по сложной индивидуальной системе приоритетов и от своего состояния в то время. Для массы людей это действительно «лихие 90-е» с бандитизмом и развалом. Это обнищание интеллигенции, которая была двигателем перемен и которая должна была стать опорой демократии. Миллионы людей были сорваны с места из-за распада страны. К середине 1990-х Бранко Миланович констатировал, что в России 50% населения живет ниже черты бедности. Какие оценки вы можете ожидать от этой половины? Сам я, конечно, понимал ситуацию и до начала реформ, и когда я год был в правительстве Гайдара. Потом, как я много работал в Советском Союзе, так в два раза больше работал и после. Но воспоминания о 1990-х в сравнении с жизнью в то время — это очень разные вещи. Произошел выброс стольких людей за границу на заработки. Выросло количество разводов и самоубийств. Представляете, какой это был стресс для общества? Вопрос социальных издержек трансформации и их объективная оценка — это очень болезненная тема.

Как относитесь к распространенному сейчас мнению, что слушать экономистов, строго говоря, не обязательно? Потому что проконсультируешься с двумя экономистами, получишь три мнения.

Это точка зрения политиков и журналистов, которые хотят получить один простой ответ на серию сверхсложных вопросов. Иногда я рассказываю политологам, что ВВП бывает в рублях номинальный, а есть в рублях реальный, есть в индексах (цепных и базисных), есть в долларах текущий и в долларах в постоянных ценах, а еще есть в паритетах покупательной способности и еще какой-то. У них обычно возникает либо отчаяние, либо раздражение, что их дурят. И они спрашивают: а нельзя как-нибудь одним

способом? Экономисты тем и сходны с медиками в сложных случаях, что они видят болезнь по-разному и в разных комбинациях. Это нормально.

Вы как-то отметили, что у вас нет ни одной правительственной награды. Почему для вас это важно?

Для большинства людей награды и титулы — хороший и ясный критерий для оценки вклада человека. Но у меня жизнь сложилась так, что я все время перемещался и максимизировал простую функцию полезности: студенты, книги, новые проекты. Так что остался частью гражданского общества. Я вполне счастливый человек с точки зрения своих представлений о жизни — от друзей, студентов и судьбы моих научных работ. А коллеги меня вполне оценили. В 2013 меня коллеги наградили Премией АНЦЭА. Когда в 2017 году я получал медаль Леонтьевского центра, я задумался, как сам к этому отношусь и придумал теорию наград. Там четыре уровня: первый — за что дают; второй — кто дает; третий — в какую компанию ты попадешь; и четвертый — все-таки что дают. Думаю, третье очень важно. Вот замечательная история, когда профессиональную премию дает уважаемый профессиональный центр. В Леонтьевском центре в Санкт-Петербурге висят портреты всех лауреатов, и перед вручением премии я внимательно посмотрел на них и увидел среди них не только наших ведущих экономистов, но и таких гигантов как Роберт Солоу, Янош Корнай и Лоренс Кляйн, у которого я стажировался в 1979 году, — вот это прекрасная компания. Прибавим еще медаль от ЭМШ на «50-летие» в 2017 году. Это важно — сейчас это уже 52 года развития Экономико-математической школы в МГУ, в которую вложена, скажем, треть жизни (самая веселая). Так я и работаю для студентов, для своего удовольствия, для коллег и читателей.